

ГЛАВА 1

— В самом конце ночи перед рассветом в Москву пришел дым, его принес ветер с юго-востока. Когда люди засыпали теплым июльским вечером, воздух был чистым, они беспечно оставили открытыми окна в своих квартирах. К утру город изменился: едкая, тошнотворная гарь заползала в него постепенно, повисала на улицах туманом, в котором скрывались друг от друга дома. Люди, разбуженные едким запахом дыма, бросились закрывать окна, но было уже поздно — воздух в квартирах заразился зловонием, прилетевшим из далеких горящих лесов.

Москвичи запаниковали, начали звонить друг другу, смотреть новости по телевизору и интернету. Они боялись одного, чтобы не повторилась снова прошлогодняя напасть — когда пожары, бушевавшие вокруг

столицы, скрыли ее в плотном дыму. В то страшное лето в молочной пелене исчезли из вида целые кварталы, пешеходы не видели машин, водители дорог, дым проник в метро — поезда будто состояли из двух видимых вагонов, остальные прятались в тумане.

Дух пожаров казался проклятием целого столичного лета. Окна в квартирах перепуганные хозяйки завешивали мокрыми простынями, что мало помогало, запах серы изошренно только ему одному ведомыми путями проникал везде. За несколько дней в аптеках исчезли медицинские маски, но испуганные горожане старались не выходить из домов даже в них. Врачи с экранов телевизоров наперебой рассказывали о страшных последствиях для тех, кто будет дышать смогом. Из Москвы спешно эвакуировались посольства иностранных государств. Родители бросились вывозить из задымленного города детей и по возможности уезжали с ними сами — на вокзалах случалось столпотворение.

И вот москвичи, только-только начавшие забывать страхи прошлого лета, вновь почувствовали неожиданно нагрянувший дым. Он всколыхнул память о гари, в которой трудно, невозможно дышать. Люди паниковали, неужели снова им придется спешно покидать Москву? Многие уже были почти уверены, что это проклятие какое-то, которое кто-то могущественный насыляет на столицу за грехи или в предостережение.

Однако через несколько часов или этот кто-то все-таки передумал, или резко сменился ветер, но гарь,

как огромный змей, заструившись по улицам и бульварам, медленно начала уползать из города.

К полудню зловоние покинуло и район Таганки, где жил Евгений. Открыв дверь на балкон, озабоченный предстоящей встречей с врачом, он не обратил внимания на легкий запах костра во влетевшем в комнату ветре. Впрочем, в это утро у него ни на чем не получалось сосредоточиться, и заставить себя позавтракать не вышло, только с трудом небольшими глотками он выпил чашку чая.

Нельзя сказать, что предстоящая встреча занимала все его мысли, их в голове не было совсем — весь организм в ожидании приговора-диагноза отказывался ощущать себя. Евгений не думал, впервые ему это удавалось сделать без усилий. Если бы картина случившегося предстала во всей реальности происходящего, то заставить себя пойти на растерзание к врачу не хватило бы сил.

Однако, в конце концов, диагноз мог и не подтвердиться. Сильный, уверенный в себе мужчина — убеждал он себя — может и должен взять себя в руки. Хотя когда он одевался, эти руки слегка дрожали. Нужно было спешить, врач в клинике принимал по часам, если пациент опаздывал, ему приходилось снова записываться на прием.

Онколог разложил перед собой на столе бумаги, достав их из большого пакета, прикрепленного к медицинской карте:

— Так...— Быстро пролистав результаты анализов, он внимательно посмотрел на бледного Евгения, зажавшего верхнюю губу зубами. — Вы просили говорить прямо и честно. Вы хорошо себя чувствуете? Готовы к прямому разговору? Давайте я сначала осматрю вас. — Врач взял в руки аппарат для измерения давления.

Евгений всё понял, диагноз подтвердился. В голове пронеслись мысли. Ему тридцать пять лет, в спортивной форме, футбол, бассейн, качался... а теперь если и выживет — инвалид. Не успел жениться, а... дети. Как он скажет маме и брату? Они от него зависят... А его фирма... Сможет ли он достаточно зарабатывать...

Доктор молчал, за долгие годы работы привык, что его больные по-разному переживают эти первые минуты онкологического диагноза. Опыт научил его держать паузу, когда к больным приходит осознание — с ними случилась настоящая беда.

Евгений так задумался, что перестал видеть окружающее, будто был в кабинете один. Потом предупредительный, заботливый голос врача показался ему издевательским, он с ужасом представил, что теперь все так будут с ним разговаривать, как с больным, слабым человеком. Этот страх перед мгновенным превращением в другого субъекта, уже как будто не в себя самого, вывел Евгения из оцепенения:

— Юрий Сергеевич, я готов. Что показали анализы?

Врач внимательно на него посмотрел, не стал снова настаивать на осмотре, вздохнул:

— Как мы решили вместе, исходя, как вы помните, из случайно обнаруженной при анализе мочи гематурии...

— Помню, кровь в моче.

— Да, именно так. Проведены все возможные анализы — УЗИ почек, компьютерная томография, расширенный анализ крови... была сделана биопсия. Можно с уверенностью сказать, что в левой почке у вас злокачественное новообразование.

— Рак? — подытожил Евгений.

— Да, почечно-клеточный рак, — кивнул врач.

В небольшом кабинете было жарко, открытое полностью окно не спасало от июльского пекла, а может, и наоборот, повышало в комнате температуру воздуха.

— Жарко тут у вас, — вдруг сменил тему разговора Евгений, осматривая стены, увешанные дипломами онколога.

— Еще в прошлом году обещали кондиционер поставить, — врач достал из кармана белого халата платок, вытер им лоб и толстый затылок, понятно, что ему с его полнотой было нелегко переносить жару, — и никак. Больные жалуются, да мы и сами страдаем.

Евгений подумал, что нужно привыкать к словам «больные», «больной», теперь и он их носитель.

— И что мне теперь с этим делать? — кивнул он на бумаги на столе.

— У вас хороший прогноз, — постучал рукой по листам Юрий Сергеевич. — Опухоль небольшая. Возможна была бы и резекция, но лучше удалить почку

полностью, вторая у вас совершенно здорова. Потом я бы посоветовал таргетную терапию — назначим препараты, которые действуют только на раковые клетки, не затрагивая остальные. Должен вам сказать, что ни лучевая, ни химиотерапия при раке почки не эффективны, подумаем об иммунотерапии.

— Давайте сегодня на этом остановимся. Мне нужно подумать, переварить.

— Хорошо. — Врач понимающе закивал, но строго добавил: — Только вы должны знать, у нас есть не писанное, но железное правило — рак нужно начинать лечить не позже двух недель с момента диагностики. Пойдите! Я должен вас осмотреть.

На парковке у клиники Евгений какое-то время растерянно оглядывался, поняв, что от всех этих волнений забыл, где поставил машину. Только после нажатия на кнопку брелка, увидев мигнувшие фары, он ее нашел. В машине, достав из кармана выключенный мобильный телефон, не включив, бросил его в бардачок, решил, что на работу сегодня не поедет, но и в пустую квартиру ему не хотелось возвращаться.

Вокруг клиники и на прилегавшей к ней дороге не было никакого движения, в Москве наступило то приятное время, когда взрослые жители уезжают в отпуск к морям, детей отправляют в лагерь или с бабушками на дачу, иногородние туристы находят более интересные места для летних путешествий. В итоге столица становится уютной — нет пробок на дорогах, вагоны метро

свободны даже в часы пик, нет очередей в супермаркетах. Евгений ехал по пустому городу, только вредные таксисты умудрялись обгонять все попутные машины и нарушать правила даже на свободных дорогах.

Евгений, почувствовав горечь во рту, понял, что нужно срочно что-нибудь съесть, потому что дорога у него перед глазами начала расплываться, так и в аварию недолго было попасть.

В Парке Горького ему нравилось кафе у пруда, туда он и направился. Под деревьями в тени горожане спасались от жары на подстилках прямо на траве, люди располагались на всем свободном пространстве газонов. Пищали дети, обнимались влюбленные, ели принесенные бутерброды семьи. В фонтане охлаждалась после выпитого спиртного пьяная компания подростков. Заливалась громким смехом-визгом юная девушка с красными взбитыми волосами, в коротенькой юбочке и в полоске-кофточке, не прикрывавшей ее голый живот. Девушку тащил на себе нетрезвый юноша в сползших ниже трусов шортах. Парень залихватски напоказ громко матерился, неуверенными движениями тискал тело подруги, стараясь закинуть ее себе на плечо. Остальная компания подбадривала резвую парочку.

Сцена эта показалась Евгению отвратительной. Он остановился рядом с фонтаном и стал разглядывать пьяную молодежь. Три хмельные девицы, симпатизировавшие парочке, разомлевшие от жары и спиртного, показались ему чудовищно страшными — косметика,

которой они разукрасили свои юные лица, растаяла от жары и растеклась, вокруг безобразных физиономий дыбом стояли взлохмаченные волосы. Одна из девушек всё время прикладывалась к полупустой бутылке пива, почему-то стараясь пить из нее уголком губ, покрытых ярко-красной помадой. Пьяные дружки девиц, как показалось Евгению, были похожи на каких-то неизвестных науке животных — плотные, откормленные, накаченные, со стеклянными прозрачными глазами.

Самый высокий из парней начал яростно обливать подруг водой, быстро зачерпывая ее ладонями, девушки попытались его свалить с ног, но парень резво отпрыгнул, и тут его взгляд встретился с взглядом Евгения. Внимание постороннего человека показалось пьяному вызывающим, глаза подростка стали злыми, однако в это время порыв ветра подхватил струи фонтана, окатил брызгами веселую компанию и Евгения и будто смыл возникающий конфликт.

Евгений быстро пошел по аллее парка. «Почему? — кричал он внутри себя. — Почему я? Чем я провинился? Неужели я хуже этих... за что... Я всегда всё делал правильно, школа — никаких репетиторов, денег на них у матери не было, сам поступил в университет. Работаю с первого курса. Маме всегда помогал. Фирму создал сам, никто не поддерживал. С квартирой и машиной всё порешал, работал, если нужно, сутками. За что? Я ничего не успел... Всё только начал... Где я нагрешил? В чем мой грех?» Он повернул к кафе, сел за столик

в тени. Недалеко по маленькому озеру две парочки медленно катались на лодках. Официантка в игривом передничке многозначительно ему улыбнулась, видя в нем одинокого симпатичного блондина, с которым можно было пококчетничать, но, не заметив ответного интереса, быстро приняла его незамысловатый заказ на свиной шашлык и воду.

Он продолжал себя пытаться: «Где ошибся? В чем вина... да такая, что приходится расплачиваться жизнью. Наказание без вины не бывает, не должно быть, так учили, такой давали урок. Справедливость — когда ты честен, не грешишь и тебя не наказывают. Мама просила всегда, чтобы перед важным делом заходил в церковь, ставил свечку. Заходил, ставил. С чистым сердцем это делал, потому что никого не обманывал, не воровал, не обижал. Тогда почему такое случилось со мной? Где справедливость?»

Шашлык оказался сухим, из маленьких кусочков серого мяса с острыми обгорелыми краями, словно даже говяжий, но Евгений его с удовольствием сгрыз, чувствуя, что очень голоден. В конце обеда попросил чашечку кофе, который пах очень приятно, но был обжигающе горячим.

Недалеко от него на пруду новая партия катающихся садилась в лодку — семья с двумя детьми, на которых надели смешные яркие надувные жилеты, дети доверчиво повисали в руках отца, пока он их переносил с причала в лодку.

Евгений вдруг понял, что никогда не был в Москве спокоен. Возможно, решил он, этот город никогда не дает человеку расслабиться. Постоянное напряжение оправдано возможными опасностями. Страшный, резкий, безжалостный город, который сбивает с ног людей сразу, как только они дают слабину. Ему сейчас эти горькие мысли не казались чрезмерными. Он с мазохистским упорством вспоминал людей, которых столичный город «перемолол» и выбросил, — доверчивого однокурсника с Урала, которого ограбили и искалечили, тот уехал домой инвалидом; знакомую, оказавшуюся на панели; другую, у которой бывший муж отнял квартиру.

Одна за другой всплывали в его памяти истории хороших людей, обманутых, обиженных, униженных. Никто в этом городе не помог им, даже просто не пожалел. А сам он... сам? До этого дня хоть раз испытал стыд за этот город? Евгений честно себе ответил, что по-настоящему не обращал внимания на чужие беды. Может, только немного противно было. Ничего нельзя сделать — так он раньше изредка оправдывал себя. Теперь такое оправдание не срабатывало.

«Круговая порука. Круговая порука всеобщего бесчестья. Болезнь, как любая зараза, от разложения, от гниения. Человек — часть организма города, в котором нельзя не умереть, потому что... как тут можно нормально жить?» — Евгений очнулся от вопроса официантки, будет ли он еще что-то заказывать? Он расплатился за обед, дав удивленной девушке столько же денег на чай,

сколько стоил сам обед. По дороге к машине он стал корить себя за это, не потому, что ему стало жалко денег — к ним всегда был равнодушен. Казалось глупым, что он будто подкупал судьбу, расплачиваясь чаевыми за свою связь с этим проклятым городом.

Уже в машине Евгений понял, что впервые назвал Москву проклятой. До этого момента он считал, что любил ее, во всяком случае, всегда так говорил. Он подумал, что странное использовал слово, «проклятый», значит, кто-то проклял город. Обиженные люди? Бог? Ему вдруг очень захотелось уехать в родной Заокск к маме. И он решил: а почему бы правда не поехать домой, дорога в два часа не показалась ему далекой. Через полчаса Евгений уже выбрался на МКАД, на котором тоже не было пробок, и рванул по шоссе на юг от Москвы.

Трасса оказалась более загруженной, чем столица, противно чадили фуры, они ехали друг за другом целыми караванами. Это было их время, с юга на север они везли созревшие овощи и фрукты, назад спешили налегке за новой порцией груза. Водители большегрузов торопились, чтобы не сгнили их скоропортящиеся нежные товары, легковые машины казались им ненужной помехой. Евгений немного забылся, объезжая одну за другой вереницы беспокойных грузовиков, которые, двигаясь медленно, умудрялись еще и неторопливо обгонять друг друга.

Наконец он въехал на мост, под которым красиво голубела широкая Ока, на берегах ее желтели полосы

чистого песка, за которыми начинались леса. По реке плыли несколько лодок и небольшой теплоход, у берегов купались люди, издалека они казались мелкими букашками. И хоть в машине воздух охлаждал кондиционер, Евгению всё равно захотелось поплавать в прохладной реке, но домой тянуло еще больше, он поехал дальше.

Дверь в квартиру Евгений открыл своим ключом, маме он позвонил по дороге, чтобы не волновать ее неожиданным приездом. Сначала ему показалось, что дома никого нет, телевизор молчал, других звуков тоже не было слышно. Он заглянул в комнату младшего брата Паши, в которой они раньше жили вдвоем. Брата дома не было. А его вещи были разбросаны на двух кроватях, на полу и столе, над всем беспорядком, повешенная на стене, царствовала новая блестящая электрогитара, которую Евгений недавно брату подарил.

В гостиной на диване, не разбирая его, положив под голову маленькую подушку, спала мама. Наверное, она здесь ждала сына, но жара ее сморила. Евгений пошел на цыпочках, сел рядом с диваном на стул. Всмотрелся в родные черты — мама вспотела, ее лицо в морщинах было красноватым, у нее в последнее время постоянно поднималось давление, измотала нервная работа в школе. Сколько он ее ни уговаривал, на пенсию не уходила, работала. «Настоящая училка», — подумал он с нежностью и улыбнулся. От жизни ей досталось, отца он своего не помнил, тот бесследно пропал после развода, и отчим ненадолго задержался, Паша тоже не знал своего отца.

Всё для сыновей делала она одна, вот только сейчас он мог бы ей по-настоящему помочь.

Сердце у Евгения вдруг заболело по-настоящему, сильной болью, раньше, бывало, ныло немного, а тут резко кольнуло, так что невозможно было дышать. Как сказать матери, уставшей, измученной, что у ее любимого старшего сына, ее опоры — рак. Как такое сообщить? Такой новостью можно убить...

Мама открыла глаза.

— Женечка, — улыбнулась она радостно, — прости, а я ждала-ждала и уснула.

Она бодро села на краешек дивана и тут же вскочила.

— А я супчик успела сварить. Хорошо, что вчера котлетки пожарила, куриные, как ты любишь, — зататорила она, увлекая сына на кухню.

— Мам, да я недавно ел, — чмокнув ее в щеку, он попытался отказаться.

— Вот всегда была проблема тебя накормить, — улыбнулась мама. — Ничего не хочу слушать, мой руки и садись к столу.

Он подчинился. Пока ел, мама сидела рядом и рассказывала о Паше, который отбивается от рук, о подружках учительницах, о своих учениках, которые не оставляли ее в покое и летом, потому что все были их соседями и она привыкла присматривать за ними постоянно, потом настал черед друзей самого Евгения, кто-то всё же женился, а у кого-то и второй ребенок уже родился...

Как бы часто Евгений ни приезжал домой в маленьком городке, где каждый знал всё обо всех, новостей накапливалось много.

— Вкусно, спасибо. — Он доел котлеты.

— Компот? — Мама кивнула на трехлитровую банку с ярко-малиновым варевом.

Громко хлопнула входная дверь, через секунду из коридора на кухню заглянул растрепанный Паша в пыльной черной майке с фото рок-певца с микрофоном. Подросток протянул старшему брату худую грязную руку:

— Привет, брат!

— Павел, — мама спокойно отвела чумазую руку младшего сына в сторону, — руки мыть и быстро к столу.

— Суп не буду, — отрезал мальчишка.

— А кто тебя спрашивает? — нахмурилась она. — Сначала суп, потом остальное. Трудно с ним сейчас, — обратилась она к Евгению, — возвращается домой поздно, где и с кем гуляет, неизвестно. Не слушает меня. Ты поговори с ним, пожалуйста. Не занимается совсем ничем, книги не читает, каникулы у него, видишь ли... Только на гитаре учится играть, терплю, только прошу, чтобы потише. А ведь ему в следующем году поступать. Иначе армия. Поговори с ним, пора ему за ум браться.

Вечером весь ритуал встречи с родными был позади: корзину продуктов в супермаркете закупили, чтобы маме не носить тяжелые сумки, с Пашей Евгений поговорил, впрочем, брата интересовало только одно — какая-то специальная педаль с эффектами для

гитары. После ужина можно было возвращаться назад в Москву.

Евгению так стало понятно, что в родном городке жизнь остается обычной, обыденной, остановившейся навсегда, и все новости казались заранее запрограммированными. На улицах с Евгением постоянно здоровались люди, потому что его здесь все знали. Город был очень пыльным, словно его присыпали из огромного сита серой пудрой. Особенно печальными смотрелись старые деревянные домики, которые долгие годы никто не красил: пыль въелась в шершавые доски стен, изменив на серый некогда яркие цвета. И пятиэтажный дом, в котором жили мама с братом, с трещинами на кирпичных обшарпанных стенах и чудовищным запахом мочи и плесени в подъезде выглядел невыносимо жалким. Евгений неосознанно скорее не понял, а почувствовал, что у этого места нет сил на сочувствие ему, город живет с мукой, с трудом выживая.

— Женя, — мама неожиданно остановила его, когда он готов был открыть дверь, чтобы идти к машине и уехать, всмотрелась в сына, обнимающего пакет, в котором стояла банка малосольных огурцов, — ты ничего не рассказал о себе... Как твои дела? Мы всё о себе да о себе... — говорила с паузами, уже давно если начинала нервничать, то не могла преодолеть одышку. — У тебя всё хорошо? Я целый день думаю, что глаза у тебя печальные... Ты ничего от меня не скрываешь?

На секунду Евгению показалось, что сейчас прорвет его печаль, и он, как в детстве, уткнется в мамино плечо

и выдохнет правду: мама, диагноз — рак, как жить, что делать — рак. Но он только сильнее сжал в руках пакет с банкой.

Выручил брат, неожиданно появившийся в прихожей, сияющий, наперевес с гитарой, за которой вился шнур.

— Пока! Я тебе напишу смс, какая «примочка» нужна. — Он поиграл, извлек из гитары несколько пищащих звуков.

— Паша, тише! — Мама зажала уши руками.

— Маму береги, — кивнул ему Евгений. — Ладно, куплю я тебе «примочку».

На площадке он стал на ступеньку лестницы, но почему-то в последний момент оглянулся и увидел, как мама торопливо крестила его, губы ее шевелились, она что-то шептала. И готов был поспорить, что это была молитва. Он повернулся к ней лицом, мама размашисто перекрестила его снова. Нужно было уходить, бегом по лестнице в обнимку с огурцами, с полным осознанием, что как это ни страшно, но когда-нибудь нужно будет рассказать родным о своей болезни.

Приехав домой, Евгений попытался вести себя как обычно — принял душ, посмотрел новости в интернете, узнав главное, что все боятся возвращения в Москву дыма лесных пожаров, разобрал постель, даже выключил свет, но не смог себя заставить лечь в кровать. За открытыми окнами и дверью балкона город не спал, шумели вдалеке проезжающие по улице машины, свистел

притормаживающий троллейбус; в соседнем дворе полуночники пели под гитару, какую песню, было не разобрать, но чья-то рука била по звеневшим струнам. Он вернулся к компьютеру и долго читал в интернете всё, что смог найти о своей болезни, это было отвратительно, мучительно, мучительно. Невозможным казалось, что внутри него растет эта опухоль, его собственный организм растит ее, готовясь его убить.

Евгений усилием воли приказал себе не смотреть фото, связанные с раком почки, выключил компьютер, лег в постель. Но мысли назойливо лезли в голову. Почему? Почему именно его нормальная жизнь должна была так непонятно, неожиданно прерваться? До этого можно было строить планы и воплощать их, а теперь всё предрешит болезнь. Стоило ли ему вообще лечиться, мучить свое тело, резать его, терзать отравой, чтобы в конце концов обессиленным умереть? Может, он раньше видел в фильмах, как там делали придуманные герои — смертельно больные люди, бросить всё и пусть недолго, но пожить в свое удовольствие? А боль? Он совсем забыл о ней. Рак — это боль. Боль ему всегда было трудно терпеть. Можно ли выдержать боль от рака? Или он сломается. Будет молить о пощаде. Но кого молить о пощаде? Кого?

Сон не приходил, от беспокойства становилось только хуже, больше в квартире невозможно было оставаться. Он быстро оделся. На улице к середине ночи воздух стал прохладней, хотя от камней домов, от асфальта веяло